УДК 398.91(=1-81):81’373.72 DOI 10.37972/chgpu.2026.132.3.003

Е. М. Дубровская

ЭТНОНИМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР В ПАРЕМИЯХ НАРОДОВ РОССИИ

Новосибирский государственный технический университет НГТУ НЭТИ, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Обращение к этнонимам в составе паремий народов России позволяет проследить, как в пословицах и поговорках закрепляются представления о различных этнических группах и связанные с ними оценки и стереотипы. Важную роль при этом играет контекст, в который включается этноним: во взаимодействии с оценочной лексикой, образными характеристиками и описываемой ситуацией в паремии формируются и актуализируются связанные с ним ценностные смыслы. Такое взаимодействие раскрывает лингвоаксиологический потенциал этнонимов и ставит вопрос об их функционировании в качестве маркеров ценностного содержания паремии. Материал исследования составляют пословицы и поговорки, отобранные методом сплошной выборки из сборников паремий народов России; при работе с материалом учитываются семантика этнонима, его связь с другими компонентами паремии, характер выражаемой оценки и культурный контекст. Теоретическую основу составляют исследования в области паремиологии, лингвокультурологии и лингвоаксиологии, связанные с изучением ценностной организации паремий и средств ее языковой репрезентации. Результаты исследования показывают, что этноним в составе паремии может участвовать в формировании представлений об этнической группе, выражать оценки и подчеркивать различия между «своими» и «чужими», при этом ценностная интерпретация зависит не только от самого этнонима, но и от его взаимодействия с другими компонентами высказывания, а также от общего смысла паремии. В зависимости от контекста этноним может транслировать и положительную, и отрицательную оценку, участвовать в создании авто- и гетеростереотипных характеристик. Полученные наблюдения позволяют рассматривать этноним в качестве одного из лингвоаксиологических маркеров ценностного содержания паремии.

Ключевые слова: *паремия, этноним, лингвоаксиологический маркер, ценностное содержание, этнокультурный стереотип, «свой – чужой», народы России*

E. M. Dubrovskaya

ETHNONYMIC COMPONENT AS A LINGUOAXIOLOGICAL MARKER IN THE PAREMIAS OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The use of ethnonyms in the paremias of the peoples of Russia allows us to trace how perceptions of various ethnic groups, along with the associated evaluations and stereotypes, become entrenched in proverbs and sayings. Context plays an important role in this regard: through interaction with evaluative vocabulary, figurative descriptions and the situation depicted in the paremia, the value-related meanings associated with the ethnonym are formed and brought to the fore. Such interaction determines the linguo-axiological potential of ethnonyms and raises the question of their function as markers of the paremia’s value content. The research material served the proverbs and sayings selected using a comprehensive sampling method from the collections of proverbs of the peoples of Russia; when working with the material, the author considered the semantics of the ethnonym, its connection with other components of the paremia, the nature of the evaluation expressed, and the cultural context. The theoretical framework is based on research in the fields of paremiology, linguoculturology and linguoaxiology, relating to the

study of the value structure of paremias and the means of its linguistic representation. The results of the study show that an ethnonym within a paremia can contribute to the formation of perceptions of an ethnic group, express judgements and emphasise the differences between 'us' and 'them', whilst the value-based interpretation depends not only on the ethnonym itself, but also on its interaction with other components of the utterance, as well as on the overall meaning of the paremia. Depending on the context, an ethnonym can convey both positive and negative evaluations and contribute to the creation of auto- and heterostereotypical characteristics. These findings allow us to regard the ethnonym as one of the linguoaxiological markers of a paremia's value content.

Keywords: *paremia, ethnonym, linguoaxiological marker, value content, ethnocultural stereotype, 'us-them', peoples of Russia*

Введение. В настоящем исследовании рассматривается роль этнонимического компонента в выражении и закреплении ценностных представлений в паремиях народов России. Паремии относятся к устойчивым и культурно значимым единицам языка, поскольку в них в сжатой форме отражены нормы поведения, способы оценки действительности, представления о месте человека в мире и коллективный опыт народа. Ценностная информация в паремии может быть выражена эксплицитно и имплицитно, в том числе и через культурно маркированные компоненты, которые актуализируют в сознании носителей языка широкий круг ассоциаций. В качестве одного из таких компонентов выступают этнонимы. В составе пословицы, поговорки или народного сравнения этноним может обозначать этническую принадлежность, служить средством самоописания или описания другого этноса, отражать ситуацию культурного контакта и, в ряде случаев, участвовать в выражении и формировании ценностной оценки. В паремиологической системе народов России этнонимы включены в различные культурные сопоставления и противопоставления и могут репрезентировать как самоописание народа, так и характеристику других этнических групп. В пословицах с этнонимами зафиксированы представления о поведении и характере человека, о языках, об устоях, обычаях и традициях, вере, отношении к труду, родственным и соседским связям, также в паремиях с этнонимами отражается опыт межэтнического взаимодействия. Значение и роль этнонима в составе пословицы требуют особого рассмотрения с учетом его лексической семантики, контекстуальных связей и лингвоаксиологического потенциала.

Теоретическую базу исследования составляют работы по паремиологии, лингвокультурологии и лингвоаксиологии. Для анализа ценностной организации паремий значимы выделяемые О. В. Ломакиной понятия лингвоаксиологического потенциала паремий, ценностных констант и ценностных переменных, семантических доминант, лингвоаксиологических маркеров, аксиологической валентности и аксиологического синкретизма [5, с. 630]. При работе с паремиями с компонентами-этнонимами принципиально важным является понятие лингвоаксиологического маркера как компонента паремии, содержащего оценку или способствующего формированию оценочности, передающего аксиологически заряженную семантику эксплицитно или имплицитно [5, с. 631]. Представление о системном характере аксиологического маркирования паремий получает дальнейшее развитие в исследовании Н. Ю. Нелюбовой: к лингвоаксиологическим маркерам автор относит разноуровневые языковые средства, участвующие в создании аксиологического смысла паремии, и рассматривает их как ядерно-периферийную систему [6, с. 103]. Для рассматриваемого материала существенна также оппозиция «свой – чужой», которая описывается как одна из значимых категорий фразеологического и паремиологического пространства [3] и как этнолингвоаксиологическая доминанта лингвокультуры народов России [1], этнонимы и связанные с ними стереотипные представления в современных исследованиях рассматриваются с разных точек зрения: как средства репрезентации коллективной

памяти и дискурса идентичности [10], как элементы языкового выражения гетеростереотипов [2]; стереотипизирующая функция паремий исследуется также на материале других этнокультурных систем [10]. В зарубежной паремиологии особое внимание уделяется этнопрагматическому потенциалу культурно маркированных имен [9], репрезентации стереотипов о различных социальных группах, в том числе гендерных [11], а также корпусно-прагматическим особенностям функционирования пословиц, включая роль контекста, структурной вариативности и семантического класса [12]. Вместе с тем лингвоаксиологические функции этнонимов в паремиях народов России нуждаются в дополнительном изучении и описании. В частности, важно определить условия, в которых этноним наделяется ценностной нагрузкой, и выяснить, какую роль в формировании ценностной нагрузки этнонима в составе паремии играют его контекстуальные связи. Цель исследования заключается в выявлении и описании лингвоаксиологического потенциала этнонимов в паремиях народов России и определении их роли в формировании ценностного содержания.

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящем исследовании разграничиваются понятия «этноним» и «этнонимический компонент». Под этнонимом понимается наименование этнической общности или ее представителя, под этнонимическим компонентом – включенный в структуру паремии этноним либо производное от него обозначение этнокультурной принадлежности, рассматриваемое с учетом его синтагматических связей и функции в составе устойчивой единицы. В исследованиях, посвященных функционированию этнонимов в языке и речи, этнонимы чаще описываются как маркеры этничности, средство репрезентации оппозиции «свой – чужой» или элементы этнокультурных стереотипов, однако комплексный анализ паремий требует учитывать более широкую функцию этнонима в их составе, связанную с выражением ценностной нагрузки.

Актуальность такого подхода обусловлена необходимостью более полного описания роли этнонимического компонента в паремиологической картине мира, так как его значение раскрывается через систему оценок, связанных с представлениями об этнических общностях. При этом материал, с которым ведется работа, требует осторожного отношения к его интерпретации. В паремиологических сборниках встречаются как нейтральные и положительно оцениваемые высказывания о других народах или в их адрес, так и пословицы, в которых закреплены исторически сложившиеся предубеждения, влекущие за собой отрицательные представления о «другом», такой материал тоже представляет особую значимость для исследования, поскольку позволяет увидеть, как в языке формируются и закрепляются оценки и стереотипы, связанные с межэтническими отношениями. Таким образом, значимость исследования определяется возможностью дополнить описание этнонимов в языке их аксиологической интерпретацией и уточнить их роль в репрезентации этнокультурных представлений в паремиологическом материале.

Материал и методы исследования. Материал составили паремии с этнонимами и производными от них обозначениями этнокультурной принадлежности, отобранные методом сплошной выборки из сборника «Чувашские пословицы, поговорки и загадки» [8], антологии «Литература народов России: народная мудрость» [4] и толкового словаря «Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа» [7]. Основной корпус составили единицы с этнонимом или производным от него обозначением, для сопоставления привлекались также отдельные паремии, в которых этнокультурная принадлежность выражена через указание на язык, веру или родину.

В работе применялись метод сплошной выборки, описательный, семантико-контекстуальный и сопоставительный методы. Метод сплошной выборки был использован при формировании корпуса анализируемых паремиологических единиц с этнонимами. При помощи описательного метода каждая из отобранных единиц была систематизирована и охарактеризована с учетом функции этнонимического компонента в ее составе.

Семантико-контекстуальный анализ применялся в целях установления значения компонента-этнонима, а также его связи с другими компонентами паремии, определения оценочных характеристик и общего смысла высказывания. Наконец, сопоставительный метод был использован для выявления повторяющихся способов репрезентации ценностных ориентиров с помощью этнонимов на материале разных народов России.

При отборе материала учитывалось наличие этнонима или производного от него культурно маркированного обозначения, а также контекста, позволяющего соотнести его с оценкой, нормой, предписанием, запретом, самоидентификацией или противопоставлением «свой – чужой», в сопоставительный материал включались также единицы без прямого упоминания этнонима, если в них выражены были представления о значимости родного языка, веры, родины или соседства. При анализе каждой паремии определялись позиция этнонима, его связь с оценочной лексикой и общий смысл высказывания, на основании этих признаков единицы распределялись по функциональным группам: номинативным, интегративным, автостереотипным, гетеростереотипным, дифференцирующим, контактно-культурным и универсализирующим. Сопоставление материала разных народов позволило выявить повторяющиеся модели ценностной интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ материала позволяет сделать выводы о том, что этнонимические компоненты в составе паремий народов России обладают неодинаковой степенью лингвоаксиологической маркированности: в зависимости от контекста паремии они могут выполнять как относительно нейтральную номинативную функцию, так и функцию аксиологического маркирования. В связи с этим нами было выявлено семь основных типов функционирования этнонимов в составе паремиологических единиц. Рассмотрим каждый из этих типов подробнее.

Первый тип – номинативно-идентифицирующая функция этнонима – этноним выступает средством культурной локализации и указывает на принадлежность к определенному народу. Например, в чувашских паремиях фиксируются пословицы и загадки с компонентами русский, чуваш, татарин, мариец и др.: *Тутар та турра пуҫҫапать* (букв. И татарин молится своему богу), *Вирьял халăхĕ – вăрман халăхĕ* (букв. Верховые чуваши – лесные люди) [8, с. 153]. В этих употреблениях не заложена особая оценочность, паремии лишь констатируют этнокультурную отнесенность персонажа или образа. Однако даже номинативное употребление этнонима не характеризуется полной нейтральностью: его наличие репрезентирует представление о границах этнической группы, о наличии контактов между народами, о различии между «своими» и «другими» – таком, что оно нуждается в вербализации. В такой ситуации этнонимный компонент наделен лингвоаксиологическим потенциалом, несмотря на то, что его оценочность может не актуализироваться прямо, она может быть усилена другими элементами в составе паремии, что согласуется с представлением о ценностной семантике как результате взаимодействия языковых средств, оценки и культурного контекста [1, с. 628].

Второй тип функционирования – интегративный. В паремиях, где представлены этнонимы с таким типом функционирования, моделируется переход от этнической дистанции к социальному сближению. Так, например, в чувашских пословицах: *Вырăс çынни – ырă çын* (букв. Русский человек – добрый человек); *Çăкăр-тăвар пулсан хура вырăс та пĕлĕш* (букв. Имея хлеб-соль, породнишься и с простым русским человеком) [8, с. 11], несмотря на то, что вербализуется представление о русском человеке как о ком-то, кто отличается от привычного и знакомого чувашскому народу, однако само лексическое окружение компонента «русский» и его синтагматические связи не свидетельствуют об отчужденности, а напротив, включают его в сценарии потенциального сближения. Иными словами, этноним в составе пословицы может не только обозначать границу между «своими» и «чужими», но и указывать потенциальные возможности ее преодоления. Традиционная обрядовая форма «хлеб-соль» связана с гостеприимством и радушием хозяев и в данном контексте обозначает переход гостя из категории «чужих» в категорию «своих».

Третий тип составляют паремии, в которых автоэтноним используется для характеристики себя и собственного народа, такие пословицы могут передавать устойчивые стереотипные представления, в том числе самоироничную оценку отдельных черт характера и поведения. Так, в чувашских пословицах *Чăваш тытса пăхмасăр ĕненмест* (букв. Чуваш не верит, пока не пощупает) [8, с. 109]; *Чăвашăн Атăл урлă каçсан тин ăса килет* (букв. Чуваш сообразил только тогда, когда переехал через Волгу) [8, с. 109]; *Чăвашăн ура салтса-сырсах çур ĕмĕр иртет тет* (букв. У чуваша полжизни уходит на обувание лаптей) [8, с. 153], *Халăхсене телей валеçсе панă чухне чăваш урине сырса юлнă тет* (букв. В то время, когда народам раздавали счастье, чуваш замешкался, обуваясь в лапти, и опоздал) [8, с.37] через самоиронию подчеркиваются такие качества, как предусмотрительность, недоверие к непроверенному, нерасторопность и вдумчивое, но порой замедленное осмысление происходящего.

Рассмотренные автостереотипы народов Кавказа преимущественно репрезентируют положительно оцениваемые качества и акцентируют внимание на высочайшей ценности чести, мужества, уважения к языку и традициям. В разделе осетинских пословиц антологии «Литература народов России: Народная мудрость» зафиксированы выражения *Ирон зæрдæ ныфсхаст у* (букв. Сердце осетина – отважно) [4, с. 427]; *Раджы ирон лæгмæ иварæй уайдзæф фыддæр каст* (букв. Раньше для осетина упрек был страшнее штрафа) [4, с. 428]; *Ирон адæм гæрзты хорз æмæ знаджы бирæйæ нæ тарстысты* (букв. Осетинский народ не боялся хорошего оружия и превосходящего количества врага) [4, с. 427] – подчеркиваются как прежние, так и нынешние идеалы осетинского народа и общества, ценность достойного поведения и отваги в бою. Автостереотипы ингушского народа часто обращаются к владению родным языком и к морально-нравственным устоям народа: *ГIалгIай мотт ховчоа моллагIча къаман мотт ховргба* (букв. Владеющий ингушским языком будет владеть всеми языками) [4, с. 193]; *ГIалгIай эздел леладу саг моллагIча наха юкъе тайнав* (букв. Соблюдающий ингушский эздел уживется с любыми людьми) [4, с. 193], – производное от этнонима прилагательное в составе пословиц подчеркивает, что совершенное владение родным языком позволяет добиваться успехов и многого достигать и в межкультурных взаимодействиях, а соблюдение эздела (неписанного свода морально-нравственных устоев) позволяет быть достойным членом общества и находить общий язык со всеми.

Четвертый тип – функция гетеростереотипа. В таких паремиях этноним описывает «другого» и участвует в фиксации представлений о представителях той или иной этнической группы. Гетеростереотипы в составе паремий могут быть отрицательными, положительными, нейтральными и ироническими. Так, в чувашской пословице *Этем пурте пĕр: вырăс та, тутар та, чăваш та, мăкши те* (букв. Люди все равны: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва) [8, с. 12] перечисление этнонимов не создает иерархии, а напротив, уравнивает между собой этносы и формирует семантическую доминанту равноправия, примечательно при этом, что автоэтноним «чуваш» оказывается здесь в середине ряда, что тоже подчеркивает идею равенства. В ряде других паремий дистанцирование выстраивается четко и явно, включая в себя критическую оценку поведения и действий другого народа. Например, в шорском материале фиксируется единица *Қазақпа чақшы пол, нанында малта пол* (букв. С русским будь добр, но ухо держи востро) [4, с. 608], в нагайбакском – *Урысның ақылы арттан җөрей* (букв. Русак умен, да задним умом) [7, с. 17]. Такие единицы следует рассматривать сквозь призму коллективного опыта и способов категоризации мира представителями конкретного этноса (возможно, в конкретных обстоятельствах), а не как достоверное, пусть и стереотипное описание этнической группы. Например, приведенная выше шорская пословица фиксирует не столько качества русского человека, сколько коммуникативную ситуацию контакта с «другим», который может оказаться непредсказуемым, то есть релевантнее для анализа здесь не названный этнонимом народ, а сама модель восприятия другого.

К пятому типу относятся пословицы, этнонимы в составе которых позволяют провести границу между «своими» и «чужими», с дифференцирующей функцией. Здесь, наряду с самим названием народа, особую значимость приобретает то, какие нормы поведения связываются с этой этнической группой и как эти нормы вписываются в привычные устои. В толковом словаре «Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа» зафиксирована единица К*ерәшен түрә булса, щабатасын түргә элә* (букв. Керешен станет руководителем – вешает свои лапти в переднем углу) [7, с.87], показывающая, что культурная дистанция может возникать даже между близкими этноконфессиональными группами (кряшены (керешены) и нагайбаки). Оценка выстраивается вокруг неуместности поступка, который становится символом нарушения принятого порядка.

Также сюда можно отнести единицы, которые не содержат в своем составе этнонимов, однако своим лексическим составом доносят ту же идею этнокультурных различий. Такую репрезентацию демонстрирует, например, татарская пословица *Чит илнең карчыгасын үз иленең каргасы талый* (букв. Чужестранца-ястреба местная ворона заклюет) [4, с. 482], посредством лексемы «чужестранец» подчеркивающая веру в силу и возможности «своих» перед лицом потенциально превосходящего по силе «чужого». Сходный механизм прослеживается и в пословицах, где маркерами этнической принадлежности становится язык, выступая одним из ключевых признаков этнокультурной самоидентификации. Например, даргинская пословица *ВегIла мез дирцути хIедирар* (букв. Нельзя продать свой (родной) язык) [4, с. 162] и удмуртская *Вордскем кылдэ вунэтӥд ке, анай кылдэ но вунэтод* (букв. Родной язык забудешь – значит, завет матери забудешь) [4, с.510].

В дифференцирующей функции компонент-этноним имеет смысл рассматривать в системе других лингвоаксиологических маркеров. Согласно М. Л. Лаптевой, категория «свое / чужое» структурируется рядом когнитивных признаков, среди которых пространство, язык, человек, род, семья, степень близости, религия, этнос и др. [3, с. 17]. В исследовании Е. М. Дубровской и О. В. Ломакиной оппозиция «свой – чужой» рассматривается как этнолингвоаксиологическая доминанта лингвокультуры народов России на материале пословиц [1, с. 59]. Паремиологический материал народов России подтверждает, что этнос редко маркируется изолированно, связываясь с языком, категорией родства, местом проживания, конфессиональной принадлежностью или социальным поведением, именно поэтому паремиологические единицы следует анализировать комплексно, а не изолированно.

Шестой тип представляет собой контактно-культурную функцию этнонимического компонента. В контексте паремиологических фондов народов России можно сделать вывод о том, что этнонимы часто возникают в условиях многовекового соседства, торговых отношений, культурного обмена и бытовых взаимодействий. Это особенно заметно в паремиологических фондах различных регионов России, где одновременно проживают представители разных этносов. Например, в чувашском материале соседствуют пословицы о русском, татарине, чуваше, мордве, марийцах, а также многочисленные топонимические формулы, связанные с Казанью, Москвой, Волгой, Нижним Новгородом, Астраханью [8]. При помощи анализа таких единиц можно реконструировать не только представления народов друг о друге, но и воссоздавать карту культурных контактов.

Седьмой тип – функция универсализации – реализуется в тех случаях, когда перечисление или упоминание этнонимов приводит не к выстраиванию иерархии или сравнению национальностей и этносов, а наоборот, демонстрирует равенство и сходство между разными народами. Уже упомянутая ранее чувашская пословица *Этем пурте пĕр: вырăс та, тутар та, чăваш та, мăкши те* (букв. Люди все равны: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва) [8, с. 12] особенно показательна: этнонимы здесь не только называют разные народы, но и становятся средствами выражения ценностной доминанты равенства. Различия между народами не сглаживаются, однако признаются права и свободы каждого народа.

Таким образом, этнонимический компонент в составе паремий народов России может быть охарактеризован как компонент с переменной ценностной лингвоаксиологической нагрузкой, которая зависит от ряда факторов: является ли этноним автоэтнонимом или гетероэтнонимом, есть ли в составе паремии оценочная лексика, вербализируется ли связь с семантическими культурными доминантами народа, какова прагматическая направленность пословицы, какую идею транслирует паремия по отношению к существующим этнокультурным различиям. Такой подход позволяет уточнить понятие этнонимического лингвоаксиологического маркера, под которым мы понимаем этнонимический компонент паремии, который в определенном структурно-семантическом окружении участвует в выражении ценности, антиценности, оценки, нормы, этнокультурного стереотипа или модели принадлежности.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что функционал этнонимического компонента в паремиях народов России часто оказывается шире прямой этнической номинации. Его роль зависит от структурно-семантического окружения, характера связи с другими компонентами паремии и общего смысла высказывания. В одних случаях этноним выполняет преимущественно номинативно-идентифицирующую функцию – обозначает этническую принадлежность объекта. В других участвует в выражении оценки, нормы, ценности и антиценности, а также в формировании культурного стереотипа. Таким образом, можно говорить о том, что этнонимический компонент обладает переменной лингвоаксиологической нагрузкой. Она не может быть определена исключительно на основании лексической семантики самого этнонима, поэтому требуется более развернутый и глубокий анализ.

В ходе анализа были выделены семь основных типов функционирования этнонимического компонента: номинативно-идентифицирующий, интегративный, автостереотипизирующий, гетеростереотипизирующий, дифференцирующий, контактно-культурный и универсализирующий. Выявленные функции демонстрируют различные способы включения этнической характеристики в структуру паремии. Этноним может участвовать в самоописании народа – репрезентировать автостереотип; характеризовать представителя другой этнической группы; устанавливать границу между «своими» и «чужими» или, напротив, указывать на возможность ее преодоления. В ряде паремий при этом этническая принадлежность соотносится с языком, родством, территорией, религией и социальным поведением, что говорит о тесной связи этнической идентификации с определяющими культурно значимыми признаками. Особое значение здесь имеют единицы, в которых этнонимический компонент используется при констатации равенства разных народов, что способствует универсализации ценностного содержания паремий.

Анализ материала позволяет также установить условия, при которых этноним выступает в качестве лингвоаксиологического маркера. Определяющим является не столько факт его наличия в составе паремии, сколько его участие в формировании ценностного смысла высказывания. Примечательно, что характер оценки в таких случаях может разниться. Этнонимический компонент способен участвовать в репрезентации положительных и отрицательных характеристик, нормы и антинормы, соблюдения и нарушения нормы, близости и дистанции.

Таким образом, обращение к паремиям с этнонимами позволяет выявить не только представления о различных этнических группах, но и способы осмысления межэтнического взаимодействия в традиционной языковой картине мира. Полученные результаты дают основания рассматривать этнонимический компонент как одно из средств языковой репрезентации ценностных смыслов паремии, а также уточняют его роль в формировании лингвоаксиологического содержания паремиологического высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубровская Е. М., Ломакина О. В.* «Свой» и «чужой» как этнолингвоаксиологические доминанты лингвокультуры народов России (на материале пословиц) // Филология и культура. – 2026. – № 1 (83). – С. 59–64.
2. *Кун В.* Средства выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке // Филология: научные исследования. – 2024. – № 10. – С. 16–28. – DOI 10.7256/2454-0749.2024.10.72023.
3. *Лаптева М. Л.* «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01. – Астрахань, 2013. – 383 с.
4. Литература народов России: Народная мудрость: антология. – М. : Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации ; Объединенное гуманитарное издательство, 2022. – 688 с.
5. *Ломакина О. В.* Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 622–637. – DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637
6. *Нелюбова Н. Ю.* Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков): дис. … д-ра филол. наук : 5.9.8. – Москва, 2025. – 411 с.
7. Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / О. И. Барышникова, А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2019. – 157 с.
8. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н. Р. Романов. – Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2012. – 351 с.
9. *Aboh R., Ajimase A., Inyabri I. T.* They do not eat a wife’s beauty: The ethnopragmatics of Bette proverbial personal names [Электронный ресурс] // Languages. – 2024. – Vol. 9. – № 9. – URL : https://www.researchgate.net/publication/387946537_They_Do_Not_Eat_a_Wife's_Beauty_The_Ethnopragmatics_of_Bette_Proverbial_Personal_Names. – DOI 10.3390/languages9090302.
10. *Bizior R.* Proverbs with the components Ormianin ‘Armenian’, Grek ‘Greek’ and Żyd ‘Jew’ within the context of collective memory // Poradnik Językowy. – 2024. – № 6 (815). – P. 38–51. – DOI: 10.33896/PorJ.2024.6.4
11. *Igissinova A. S., Raeva G. M., Kulamanova Z. A.* Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2024. – Vol. 15. – № 2. – P. 376–393. – DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393.
12. *Kljajevic V., Šarić L.* Corpus-Based Investigation of Proverbs: Challenges and New Directions // Corpus Pragmatics. – 2025. – Vol. 9. – P. 135–163. – DOI 10.1007/s41701-024-00181-2.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026

REFERENCES

1. Dubrovskaya E. M., Lomakina O. V. «Svoj» i «chuzhoj» kak etnolingvoaksiologicheskie dominanty lingvokul'tury narodov Rossii (na materiale poslovic) // Filologiya i kul'tura. – 2026. – № 1 (83). – S. 59–64.
2. Kun V. Sredstva vyrazheniya stereotipnyh predstavlenij o kitajcah v russkom yazyke // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2024. – № 10. – S. 16–28. – DOI 10.7256/2454-0749.2024.10.72023.
3. Lapteva M. L. «Svoyo» i «chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoj frazemiki: dis. … d-ra filol. nauk : 10.02.01. – Astrahan', 2013. – 383 s.
4. Literatura narodov Rossii: Narodnaya mudrost': antologiya. – M. : Organizacionnyj komitet po podderzhke literatury, knigoizdaniya i chteniya v Rossijskoj Federacii ; Ob"edinennoe gumanitarnoe izda-tel'stvo, 2022. – 688 s.
5. Lomakina O. V. Metayazyk sovremennoj lingvoaksiologii: paremiologicheskij uroven' // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2025. – T. 16, № 3. – S. 622–637. – DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637
6. Nelyubova N. Yu. Aksiologicheskie dominanty lingvokul'tury i ih markirovannost' v paremiologii (na materiale francuzskogo, russkogo i tuvinskogo yazykov): dis. … d-ra filol. nauk : 5.9.8. – Moskva, 2025. – 411 s.
7. Poslovica nedarom molvitsya: tolkovyj slovar' poslovic i pogovorok nagajbakskogo naroda / O. I. Baryshnikova, A. A. Osipova, S. G. Shulezhkova; pod red. S. G. Shulezhkovoj. – Magnitogorsk : Magnitogorskij Dom pechati, 2019. – 157 s.
8. Chuvashskie poslovicy, pogovorki i zagadki / sost. N. R. Romanov. – Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 2012. – 351 s.
9. Aboh R., Ajimase A., Inyabri I. T. They do not eat a wife’s beauty: The ethnopragmatics of Bette proverbial personal names [Elektronnyj resurs] // Languages. – 2024. – Vol. 9. – № 9. – URL : https://www.researchgate.net/publication/387946537_They_Do_Not_Eat_a_Wife\'s_Beauty_The_Ethnopragmatics_of_Bette_Proverbial_Personal_Names. – DOI 10.3390/languages9090302.

10. Bizior R. Proverbs with the components Ormianin ‘Armenian’, Grek ‘Greek’ and Żyd ‘Jew’ within the context of collective memory // Poradnik Językowy. – 2024. – № 6 (815). – P. 38–51. – DOI: 10.33896/PorJ.2024.6.4

11. Igissinova A. S., Raeva G. M., Kulamanova Z. A. Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2024. – Vol. 15. – № 2. – P. 376–393. – DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393.

12. Kljajevic V., Šarić L. Corpus-Based Investigation of Proverbs: Challenges and New Directions // Corpus Pragmatics. – 2025. – Vol. 9. – P. 135–163. – DOI 10.1007/s41701-024-00181-2.

The article was contributed on July 10, 2026

Сведения об авторе

Дубровская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия, https://orcid.org/0000-0001-5239-8995, schitat.do.sta@gmail.com

Author Information

Dubrovskaya, Elena Mikhaylovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, https://orcid.org/0000-0001-5239-8995, schitat.do.sta@gmail.com